

Геософская аксиоматика научно-философской мысли России

А. М. Соколов, Н. В. Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Соколов А. М., Кузнецов Н. В. Геософская аксиоматика научно-философской мысли России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 119–130. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.110>

Статья посвящена анализу социокультурных предпосылок зарождения научно-философской мысли в России. Обращаясь к истории возникновения Санкт-Петербурга, авторы указывают на символический смысл появления новой столицы, предопределившего континентально-морскую судьбу российской цивилизации, сочетающей охранительный принцип с принципом прогрессивной модернизации. В связи с этим авторы указывают на специфическую особенность русской революционности, предполагающей социокультурное обновление через регулярное возвращение к исконным началам цивилизационного строительства. Неотъемлемым элементом модернизации авторы видят развитие научно-философского знания в России, которое, с одной стороны, призвано обеспечить актуализацию технологического потенциала, соответствующего естественно-историческим основаниям российской цивилизации, а с другой — выразить ценностное и деятельностное содержание национального самосознания. Реконструируя вектор развития русской учености, авторы выделяют исследования М. В. Ломоносова и В. В. Докучаева, на примере которых показывают, как всеобъемлющее восстановление целостности мироздания заняло приоритетное место в научном и философском опыте России. Авторы выдвигают гипотезу, что русскими евразийцами, Н. С. Трубецким в его «Персонологии», П. Н. Савицким в его «Россиеведении», целенаправленно был воспроизведен принятый еще Ломоносовым принцип пространственно-временной сопричастности элементов. Данный принцип может быть положен в основание методологического синтеза, культивирующего не физику отвлеченных величин и не химию рафинированных веществ, а природу в ее целостности и очевидной представленности. А в основании обновленной системы знания могут располагаться не химия или физика, ботаника или зоология, а почвоведение, лесоводство, растениеводство, недропользование и т. д.

Ключевые слова: геософия, цивилизационное развитие, российская наука, М. В. Ломоносов, В. В. Докучаев.

Философия как культура мышления всегда проистекает из той стихии, которую человек открывает как ту, которую он готов освоить, или даже — которую не может не освоить, превращая ее в среду своего обитания. Философия — завершающая фаза такого освоения (по крайней мере, в границах европейской культуры), в которой все частные элементы опыта освоения выступают в отношении не только к конечному его результату, но ко всякому возможному опыту освоения вообще. Другими словами, философия как форма всеобщего знания не может и не должна

ограничиваться никаким случайным содержанием: лингвистическим, формально-логическим или тем паче экономическим либо ландшафтно-климатическим. Однако когда мы привязываем философию к какому-либо месту, то рискуем лишить ее собственного содержания. И тем не менее: философия у-местна тогда и только тогда, когда она свое основание понимает как завершающую фазу освоения бытия, как совершенную форму человеческой деятельности, которая согласовывает в себе все частные, предшествующие виды практики, опыта.

Вообще философия (как греческая философия), возникшая в горизонте космоцентрического мирозерцания, почти всегда подчеркивала свою принадлежность какому-то месту: Элее, Кирене, Элиде. Исключение здесь, составляют, пожалуй, софисты и пифагорейцы. Примечательно, что даже последователи Платона называли себя академиками, связывая свое философское происхождение с местом, которому покровительствовал гений Академус.

С формальной точки зрения кажется, что петербургскую философию легче всего представить в виде перечня ряда философских имен, имеющих отношение к городу; может быть — философских школ. Но в таком случае специфически философское единство интеллектуального опыта будет не выявлено. В лучшем случае можно будет говорить о философии в Петербурге, да и то при условии, что ее выразители открыли оригинальные точки зрения, приближающие мысль к высшим степеням обобщения. Но и тогда мы не можем не задаться вопросом об определенном очевидном основании сознания — принципе, предпосылающем единство духовного опыта. Вместе с тем мы должны понимать, что это основание должно выражаться в специфически петербургских реалиях.

Здесь, пожалуй, уместно сделать маленькое примечание, касающееся перемен имени города на Неве. Петербург — Петроград — Ленинград — Петербург: сюжет этот сам по себе задан геософской интуицией, не имеющей прямого отношения к теме данной статьи. Оставляя его для другого случая, подчеркну, что столь необычная динамика имени указывает на ту существенную сторону бытия города, которая удерживает его в особом порядке мироустройства.

Возникновение Петербурга необычно. Быть может, это единственный город, появление которого не обусловлено никакими естественными (в широком смысле слова) обстоятельствами. Не только ландшафт и климат как бы изначально исключали всякую возможность освоения людьми пространства в устье Невы, но даже военно-политический, и тем более экономический резоны какого-либо строительства здесь были очень сомнительны. Строго говоря, само место, которое могло бы быть освоено, отсутствовало. Можно ли понять, что толкнуло Петра I заложить новую столицу среди северных болот, регулярно затопляемых не признающей берегов Невой? В решении молодого московского царя просматривается невероятная героическая отвага, вырвавшая его из коварной умиротворенности кремлевского окружения. Удивительно то, что импульс монаршего энтузиазма, высвободив колоссальное количество творческой энергии, передался окружению Петра, способствуя образованию новой имперской элиты. Еще более удивительно, если не сказать чудесно, то, что этот импульс был воспринят тысячами русских простолюдинов, которые в продолжении нескольких поколений вопреки всем внешним обстоятельствам не просто строили город, но своим сверхъестественным подвигом вырывали у не-бытия «место» для столицы небывалой империи.

Новая столица изначально «расположилась» вне определенного места. Своим возникновением она сама определила место. Ее рождение и этапы развития расписаны если не по часам, то по дням. С этой точки зрения Петербург можно сравнить с Римом, история которого в изложении Тита Ливия, по сути, заменяет традиционные мифологические картины возникновения мира. Разница только в критериях достоверности описанных событий. Миф Петербурга строг и отчетлив, как план его проспектов и улиц. Такая отчетливость предпослана не только замыслом архитекторов. Сама ее возможность задана волей монарха, выражающего, по собственному его убеждению, интересы отечества¹, и, стало быть, неотрывна от духа народа. Другое дело, что и «дух народа» требовал своего раскрытия. Начало удовлетворения этого требования было положено на берегах Невы. Вот почему С. М. Соловьев утверждал: «Вся система Петра была направлена против главных зол, которыми страдала древняя Россия: против разрозненности и сил, непривычки к общему делу, против отсутствия самостоятельности, отсутствия способности начинать дело» [2, стб. 852].

Убедительности петровских намерений-начинаний в огромной степени способствовало непосредственное восприятие русскими людьми царя, не управляющего неведомо откуда, а трудящегося здесь и теперь, рядом ними, освящающего своим присутствием совместное предприятие. И со стороны М. В. Ломоносова или Г. Р. Державина вряд ли было только поэтической гиперболой усмотрение в Петре бога. Ведь по большому счету они воспроизводили суждение простого мужика-токаря, наблюдавшего царя подле себя в течение многих лет². Что может быть более убедительно для религиозного сознания, чем личный пример божьего помазанника? Подобный пример получает статус не всеобщего, а абсолютного, безусловного знания, задающего параметры российского мировоззрения как общегражданского. В связи с этим замечательно умозаключение одного из ранних петербургских интеллектуалов, к сожалению, умершего совсем юным, — И. П. Пнина. В самом начале XIX в., как бы демонстрируя плоды петровского воспитания, будто бы заочно полемизируя с А. Н. Радищевым о происхождении и сущности прав и свобод, он писал: «...Истинный гражданин во всякое мгновение готов пожертвовать собою и не столько печется о своем сохранении, сколько о сохранении своего отечества» [3, с. 54].

Стало расхожим мнение, толкующее самоотверженный труд нашего народа как результат неограниченной эксплуатации и рабской психологии. Мнение такого рода есть не что иное, как проявление филистерства, в фиктевском смысле слова — как необходимая стадия становления свободы, утверждающая чистую субъективность. Никогда рабский труд не был плодотворен. Теми, кто осушал бездонные болота, крепил хлябь, вколачивая многометровые сваи, а потом возводил колоннады соборов, руководили не бичи надсмотрщиков. Опыт строительства новой столицы

¹ В. О. Ключевский так характеризует деятельность первого российского императора: «Настойчиво твердя в своих указах о государственном интересе как о высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже ставил государя в подчиненное отношение к государству как к верховному носителю права и *блюстителю общего блага* (курсив мой. — А. С.). На свою деятельность он смотрел как на службу государству, отечеству» [1, с. 193].

² «Хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастье находиться при сем монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою» [1, с. 184].

изначально утверждал приоритет общей единой цели над любым частным интересом. Такой опыт утверждал личность в отношении не просто к общему делу, а к делу абсолютной значимости. И каждый, кто подвизался в этом деле, так или иначе осознавал его величие и свою причастность ему.

Появление Санкт-Петербурга — событие мифического, а потому символического порядка. Символичность строительства петровской столицы заключена в том, что в нем состоялось многовековое духовное приготовление людей, сплотившихся трудовым подвигом в единый народ. Крещение восточнославянских племен киевскими князьями, воинское братство Дмитрия Донского, Московское царство последних Рюриковичей — ключевые моменты русской истории, фундаментальные опоры русского космоса. Однако цивилизационная целостность русских земель и людей, на них живущих, в каждый из этих моментов была неустойчивой. Она активировалась общей внешней угрозой, с устранением которой ослаблялись и связи между регионами. Допетровская история Руси была как бы пассивным периодом и, строго говоря, квазиисторией, так как представляла собой совокупность двух цивилизационных рецептов: византийской и монголо-ордынской. Созданием Петербурга Петр вывел Россию во всемирную фазу истории.

Вместе с тем существует еще один аспект мифо-архической сущности Петербурга. Своим возникновением и утверждением наш город в какой-то степени напоминает Голландию — Нидерланды — Нижеземье — андеграунд, субстанциальное подлежащее капиталистического Запада. Утопичность, в буквальном смысле слова, не только определила «местоположение» первого буржуазного государства, но своей торгово-финансовой экспансией послужила моделью виртуализации, т. е. спекулятивной реконструкции всего мира³. Занимающая ничтожно малое пространство, находящаяся ниже уровня моря, эта страна бросила вызов Испании, царице морей, самому могущественному государству XVI столетия. Всего за несколько десятилетий торгово-финансовые нити, берущие начала в Амстердаме, вывели Голландию в лидеры исторического прогресса. Сменившая ее в этой роли Британия, а позже США только довели до совершенства стратегию финансового господства, процветания за счет тотального переформатирования естественного миропорядка.

Утопичность же Петербурга иного рода. Задуманное и осуществленное в одном из самых непригодных для жизни российских «урочищ», его строительство предвосхитило характер нашей истории на последующие вот уже три столетия. За этот период народом России освоены и продолжают осваиваться огромные пространства, большая часть которых любому другому народу видится диким полем, пагубным для цивилизации. Причем важно подчеркнуть, что строительство Петербурга дало опыт не покорения и присвоения природного изобилия, а опыт освоения, согласования человеческого предприятия с непредсказуемостью земли, воды и воздуха — опыт союза со стихиями. Именно эта точка зрения позволяет видеть в «про-изведении» Северной Пальмиры опыт «про-изведения» мифа, в смысле начала исторического бытия России.

Как принято считать, вынесение новой столицы на западную границу российских земель подразумевало налаживание связей с западноевропейским миром,

³ Примечательно и закономерно, что в Нидерландах многие специалисты считают Р. Декарта голландским философом. Принимая в расчет, что публичную известность Декарт получил благодаря трудам, изданным в Голландии, нельзя не признать правомерности этого утверждения.

открывшим патриархальной Руси путь к модернизации, обновлению в масштабе Российской империи. Возведение российской столицы на берегу Финского залива демонстрировало морские амбиции империи. Это предвещало скорое превращение континентальной державы в державу континентально-морскую, сочетающую в своей организации как принципы охранительства, так и принципы прогрессивного развития. Сочетание данных принципов — важнейший элемент нашей истории, определивший драматизм событий, ее составивших в XIX и XX вв.

Вместе с тем балтийским рубежом Петр положил предел западной экспансии на Восток, не только утвердив геополитические притязания России, но и подтвердив цивилизационные приоритеты, заявленные Александром Невским. Ведь еще в XIII в. прозорливость князя Новгородского, Киевского, Владимирского удержала русские земли от сомнительного союза с папской Европой. А с XVII в. российские правители начали осуществлять по-настоящему самостоятельную цивилизационную стратегию⁴. По прошествии трех столетий она не могла, конечно, вполне реализоваться, но ее интуиция инициировала множество проектов, прояснивших исторический смысл пребывания России. Речь идет о стратегии, которая реализуется и в военно-политической, и в национально-государственной, и в церковно-религиозной, и в образовательной сферах деятельности. И очень актуально, по-современному воспринимаются слова С. М. Соловьева, охарактеризовавшего петровское реформаторство как «грубые очерки», «материалы» «программы, которую Россия выполняет до сих пор и будет выполнять, уклонение от которой сопровождалось всегда печальными последствиями» [2, стб. 855].

Итак, появление новой столицы на западной окраине Московского царства в самом буквальном смысле символизировало рождение нового государства. Его физическое созревание продолжалось несколько столетий, но его духовно-интеллектуальное содержание стало оформляться только вместе с начертанием плана города и материальным его воплощением. Гений Петра открыл ему отнюдь не очевидную истину: новая столица предполагает радикальное переосмысление стратегии общественного устройства и государственного строительства; что, в свою очередь, невозможно без революционного обновления мировоззренческой системы. Поэтому Петербургская академия наук, открытая в 1724 г., — не обязательное, но необходимое продолжение начинаний Петра. Факт ее появления подтверждает революционный характер петровских преобразований. Без введения русской мысли в перспективу светского, рационально-прагматического миропонимания было бы невозможным освоение пространства, вошедшего в границы Российского государства. Рациональный прагматизм как бы диктовался логикой этого пространства, целостного и неразличенного в своем содержании. Но прежде рациональной прагматики потребовала логика времени⁵, в рамках которой только и могли быть задуманы и осуществлены преобразования. Прошлое народов, населявших

⁴ В. О. Ключевский приводит замечательную реплику Петра, переданную немецким сподвижником Петра А. И. Остерманом: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом» [3, с. 196].

⁵ Европа в XVI столетии переосмыслила хронологический статус провиденциального существования, удерживавшийся приверженностью божественной вечности (модальность Средневековья), переведя его в формат модернизации, т. е. принципиального о-современивания (модальность Новое время). Россия вошла в ту же фазу духовного развития в самом начале XVIII в.

обширные территории, теперь должно было быть понято как история одного народа, заселившего и осваивающего российскую землю.

Замечательно то, что подлинная самостоятельность русской научно-философской мысли заявила о себе меньше чем через двадцать лет после первых «академических ассамблей». Показательно, что событие это состоялось усилиями простого русского человека, неаристократического рода Ломоносовых, вышедшего из архангельской глуши (правда, уже приглянувшейся английским коммерсантам) и добравшегося до Петербурга. Но что особенно интересно и важно, так это то, что исследовательский интерес М. В. Ломоносова имел универсальный характер, охватив и натурфилософское, и методологическое, и историософское поля изысканий. Причем все три поля предметно были связаны с российскими реалиями, ожидающими систематическое претворение этих изысканий в действительность. Тем самым были предвосхищены актуальные направления научно-философских исследований в России.

В. И. Вернадский так охарактеризовал вклад Ломоносова в развитие русской учености: «Он опередил свое время правильной оценкой целого ряда недоступных его поколению явлений; он был впереди своего века и кажется нашим современником по тем задачам и целям, которые он ставил научному исследованию. И в нем мы видим могучего создателя русского научного языка, из которого непосредственно вышел язык современного русского образованного общества» [4, с. 14].

Язык прежде всего. Язык — это форма выражения мысли, ее актуализация, раскрывающая мировую, космическую упорядоченность бытия. В произносимых людьми словах, улавливающих сущее в той или иной определенности, раскрывается подлинное (именное «подлинное», происходящее от «под-лежащего», т. е. истинного, изначального основания), настоящее содержание бытия.

В самом деле: на момент появления Ломоносова в Петербурге Академия существует чуть более десяти лет, в ее состав входят преимущественно немцы. Дальнейшее образование Ломоносов получает в Германии. Но уже в 1755 г. ученый издает «Российскую грамматику». За двенадцать лет до того вышла в свет «Риторика». Но в продолжение этих лет ученым создавались труды по химии, физике, астрономии и т. д., т. е. в той области, что сам Ломоносов называл «натуральной философией», полную систему которой он намеривался создать.

Отталкиваясь от фрейбургских опытно-практических занятий металлургией, Ломоносов через непродолжительное время перешел к геологической тематике. И в отличие от натуралистов своего времени «резко порвал со схоластической традицией, охватывающей естествознание первой половины XVIII в.» [5, с. 56]. Вопросы геологии одними из первых «предстали перед ним в живой связи с окружающей его живой природой». Чувство единства совершающихся сейчас на Земле процессов с ее прошлым проникло всю мысль ученого и философа [6, с. 46]. Это замечательно отразилось в его методологическом новаторстве; в частности, в том, что он всюду принимал во внимание химические факторы, тогда как большинство космогоний основывалось главным образом на механике и физике [4, с. 23]. Более того, у Ломоносова, по убеждению того же В. И. Вернадского, мы находим предвосхищение физической химии — место встречи самых разных научных дисциплин: минералогии, геологии, геофизики, химии, биологии. Своеобразным результатом столь разнородных занятий, предвосхищающим рождение такой науки, как почво-

ведение, явилось выдвижение Ломоносовым теории происхождения чернозема, доказывающей, что он образуется вследствие «гниения наземной растительности, древесной и травяной, отчасти и животных». Здесь мы снова имеем дело с событием символическим. Во-первых, потому, что гениальная догадка ученого строится на методике теоретического синтеза с опорой на сравнительно-исторический анализ, в то время почти неизвестный. А во-вторых, потому, что чернозем неразрывно связан именно с Россией и может считаться своего рода ее архическим элементом. В этом смысле Ломоносова можно считать первым русским почвенником.

Воспитанная целостным мирозерцанием, мысль Ломоносова неизбежно была ориентирована не только на всеохватность, но и на усмотрение строгой органической взаимосвязи всех элементов действительности. Можно попытаться провести хронологическую реконструкцию развития исследовательских интересов первого русского академика. Получается примерно следующее: металлургия, геология, минералогия, физическая химия, почвоведение, экономическая география, демография, история. Учитывая то обстоятельство, что исследовательский горизонт Ломоносова расширялся на фоне становящегося *hic et nunc* русского научного (и не только научного) языка, нельзя не видеть своего рода органической, может, лучше сказать, «генетической» логики, присущей его мыслительной деятельности. Отсюда его устойчивый интерес к обобщающим и концептуальным трудам: от грамматики русского языка до минералогических, географических атласов России и экономического лексикона российских продуктов⁶. Однако самое важное — то, что «главным делом», началом всего Ломоносов считал «сохранение» и «размножение» российского народа. Ибо именно в нем он видел «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности тщетной без обитателей» [8, с. 15].

Таким образом, можно не сомневаться в том, что интуиция целокупности знания о единстве мира с самого начала была присуща российской учености. Причем целокупность обуславливалась не абстрагированными допущениями в духе западного картезианства или кантианства, а реальным переживанием единства человека и земли в самом широком смысле пространственно-временного континуума. Земля привносит в бытие пространство, основательность, незыблемость. Человек привносит в бытие дрящущую деятельность, регулярное производство — временность. Такова сущность мира как упорядоченного пространственно-временного бытия. Стало быть, подлинное знание о мире — это знание естественно-исторического порядка. С точки зрения такого знания любая сущность актуализируется только через продуктивную деятельность человека. Пожалуй, правомерным будет допустить, что М. В. Ломоносов предвосхитил в более широком и глубоком смысле позитивистскую установку Огюста Конта. Отличие состоит в том, что русское знание производно от органического переживания единства с родным миром; западное знание — от отвлеченного представления о собственной самодостаточности и довлеемости миру. Справедливости ради надо иметь ввиду, что отвлеченное *cogito* по большому счету тоже вполне может быть истолковано как «порождающая стихия», эманурующий исток западного мира⁷.

⁶ Блестящий анализ трудов М. В. Ломоносова в области экономики и демографии дан в обстоятельной статье М. В. Птуха «М. В. Ломоносов как экономист и статистик» [7].

⁷ Об этом см.: [9; 10].

Научная деятельность М. В. Ломоносова — это на самом деле духовный подвиг революционного масштаба, не оцененный не только современниками, но и многими поколениями потомков. Причина такого непонимания кроется, как нам кажется, в том, что революционности мысли Ломоносова было свойственно не просто новаторство, но новаторство, ориентирующееся на исконные начала мира, в котором оно осуществляется. Революция в строгом смысле и должна пониматься как возрождение основ. Наука всего лишь метод, средство, используемое во имя достижения цели, т. е. целостности мира. И совместная, а значит со-знательная деятельность людей выступает организующим элементом этого комического процесса.

Вероятно, только во второй половине XIX в. некоторым нашим ученым открылась широта исследовательского горизонта, столетием раньше схваченная мыслью Ломоносова. Отечественной историко-философской мысли еще предстоит проанализировать и привести к единству разрозненные духовно-интеллектуальные поиски в России конца XVIII — первой половины XIX вв. В самом деле, вплоть до середины XIX столетия не только наша философия и философы выглядели восхищенными созерцателями западноевропейских изобретений и открытий. Пожалуй, только с 30-х годов XIX в. «неевклидовой революцией» Н. И. Лобачевского русская наука начинает выходить на мировой уровень. А. М. Бутлеров, С. М. Ковалевская, И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, И. П. Павлов составляют первую линию российской науки. Но есть еще два ученых (учитель и ученик) первой величины, в чьих трудах отчетливо просматривается интуиция естественно-исторической целостности знания. Это В. И. Докучаев и В. И. Вернадский.

Замечательно, что именно тема чернозема оказалась связующим звеном между важнейшими периодами развития российской науки. Спустя столетие после смерти М. В. Ломоносова другой выходец из русской глубинки — В. И. Докучаев, оказавшийся в столице Российской империи, разработал оригинальную теорию почвоведения, согласующуюся со знанием о строении почв, сведения о животном и растительном мирах, о царстве минералов и многообразии ландшафтов. Приступив к решению, казалось бы, сугубо практической задачи, сохранению плодородия российского Черноземья, ученый не только успешно ее решил, но и достиг теоретических обобщений методологического и мировоззренческого масштаба.

Обращает на себя внимание тот факт, что учение нашего почвоведца сложилось в период утверждения специализированного знания. Увлекаемая пафосом позитивизма, наука всячески стремилась освободиться и от философской метафизики, и от общетеоретических построений. Сознание большинства ученых было очаровано иллюзией эффективности детализированных описаний и разнообразных систематизаций. Мало кто из ученых-естественников принимал в расчет подлинную конкретность факта, т. е. его со-бытийность, явленную в неисчислимой череде связей с фактами другого порядка. Размышляя о состоянии современной ему науки, В. В. Докучаев писал: «Изучались главным образом отдельные тела, минералы, горные породы, растения и животные, — и явления, отдельные стихии, — огонь (вулканизм), вода, земля, воздух, в чем, повторяем, наука и достигла удивительных результатов». Но не изучались их соотношения, «та генетическая вековечная и всегда закономерная связь, какая существует между силами, телами и явлениями, между мертвой и живой природой, между растительными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром — с другой. А меж-

ду тем именно эти соотношения, эти закономерные взаимодействия и составляют сущность познания естества, лучшую и высшую прелесть естествознания». Такого рода знания «должны лежать в основе и всего склада человеческой жизни, со включением даже мира нравственного и религиозного» [11, с. 5–6].

Но еще более интересны методологические выводы ученого, обнаруживающие мировоззренческую дистанцированность от модных веяний тогдашнего естествознания. Видя в почве не просто совокупность разнородных элементов, но — непрекращающийся процесс их взаимодействия, взаимодополнения, он распространил этот взгляд на все сущее: «В мире царствует, к счастью, не один закон великого Дарвина, закон борьбы за существование, но действует и другой, противоположный, закон любви, содружества, самопомощи, особенно ярко проявляющийся в существовании наших зон, как почвенных, так и естественно-исторических» [11, с. 20].

Примечательно, что о своей конгениальности Ломоносову Докучаев узнал уже после своих методологических разработок. В. И. Вернадский, его ученик, сообщил ему об этом, тем самым предугадывая и вписываясь в конгениальную линию и русской науки. Вернадский, в свою очередь, тоже сыграл ключевую роль в продолжении оригинальной русской стратегии построения научной картины мира. Все мы сегодня знаем В. И. Вернадского как создателя геохимии. Но ведь он еще был и создателем научного космизма. Совершенно очевидно, его учение о биосфере и ноосфере есть прямое развитие и его геохимических открытий, и почвоведческих идей Докучаева. Современные историки отечественной науки справедливо обращают на это внимание. «Как эстафету, “из рук в руки”, “из души в душу”, передал Докучаев свое космически-временное мышление своему другу и ученику Вернадскому... В творческом содружестве Докучаева и Вернадского, учителя и ученика, был совершен решающий прорыв к биосферно-космическому научному мышлению, наполненному историзмом... Понятие биосферы стало ядром, центром необходимого, естественного и точного синтеза многочисленного эмпирического материала о жизни поверхностной оболочки нашей планеты» [13, с. 104].

Но ведь эти идеи, очевидно, конгениальны и религиозному учению Н. Ф. Федорова. Докучаев, конечно, не мог знать трудов последнего, но вполне вероятно, что Федоров был знаком с работами Докучаева. Пафос всеобъемлющего восстановления целостности мироздания становится основным для всей русской философской, а в значительной степени и социально политической мысли: от софиологии В. С. Соловьева и его последователей до социально-экономических теорий народников и марксистов. И нам думается, что многие из революционно-новаторских идей в России имели успех именно потому, что так или иначе согласовывались в общественном сознании с реальными достижениями русских ученых.

И дело, разумеется, не только в том, что философско-теоретический космизм перешел в научно-практический формат космонавтики, в которой наша страна до сих пор, несмотря ни на что, удерживает лидирующие позиции. В большей мере значимы концептуальные отличия мировоззренческого и методологического плана, открытые и отстаиваемые российскими учеными. В этом смысле не безосновательны эпистемологические усилия наших евразийцев, стремившихся осуществить национальную революцию в науке. Они предположили, что приоритету аналитической стратегии Запада вполне может быть противопоставлен методологический синтез. Это, в свою очередь, активизирует трансформацию специальных дисци-

плин, занимающихся отвлеченными, другими словами, умозрительными объектами, универсальными учениями о конкретных, реальных предметах. Ценность космоса представляет не физика отвлеченных величин и не химия рафинированных веществ, а природа в ее целостности и очевидной представленности. Потому в основании обновленной системы знания могут располагаться не химия или физика, ботаника или зоология, а почвоведение, лесоводство, растениеводство, недропользование и т. д. Ее же вершиной будет знание о конкретном ойкосе, возделываемом человеком.

Совершенно очевидно, что в «Персонологии» Н. С. Трубецкого и «Россиеведении» П. Н. Савицкого целенаправленно воспроизводится принцип, принятый еще Ломоносовым: принцип хронологического взаимодействия элементов, согласующегося в пространственной сопричастности. Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, Р. О. Якобсон, единомышленники Трубецкого и Савицкого, последовательно развивали этот принцип в области русской истории, лингвистики, антропологии и историрософии. Быть может, нам еще предстоит пережить эвристический энтузиазм, охватывавший наших соотечественников в XVIII, XIX и XX вв. И с большой вероятностью можно допустить, что и XXI в. мысль в состоянии превзойти индивидуальную изолированность.

Литература

1. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. IV // Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 398 с.
2. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 4, т. 18. 840 с.
3. *Пнин И. П.* Опыт о просвещении относительно России // Русская философия собственности. СПб.: Ганза, 1993. С. 53–61.
4. *Вернадский В. И.* О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 13–45.
5. *Вернадский В. И.* Памяти М. В. Ломоносова // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 55–58.
6. *Вернадский В. И.* Несколько слов о работах М. В. Ломоносова по геологии // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 45–49.
7. *Птух М. В.* М. В. Ломоносов как экономист и статистик // Ломоносов. Сборник статей и материалов / под ред. А. И. Андреева, Л. Б. Модзалевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 144–219.
8. *Ломоносов М. В.* О сохранении и размножении российского народа // Сборник: Ломоносов М. В. О сохранении русского народа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 13–35.
9. *Соколов А. М.* Аксиологические ориентиры глобализации и пределы экспансии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2014. № 4. С. 62–69.
10. *Соколов А. М.* Аксиомы социального опыта: идеократия, или монолизм власти в России // Философия права. 2011. № 6 (55). С. 99–102.
11. *Докучаев В. В.* К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1899. 29 с.
12. *Докучаев В. В.* Избр. соч.: в 3 т. М.: Сельхозгиз, 1948. Т. 1: Русский чернозем. 480 с.
13. *Кульпин-Габайдуллин Э. С.* Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 103–113.

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2018 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2018 г.

Контактная информация:

Соколов Алексей Михайлович — д-р филос. наук, проф.; docentsokolov@yandex.ru
Кузнецов Никита Всеволодович — д-р филос. наук, проф.; nikita2554@mail.ru

Axioms of geospherical scientific and philosophical thought of Russia

A. M. Sokolov, N. V. Kuznetsov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sokolov A. M., Kuznetsov N. V. Axioms of geospherical scientific and philosophical thought of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 1, pp. 119–130. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.110> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of socio-cultural prerequisites for the origin of scientific and philosophical thought in Russia. Turning to the history of St. Petersburg, the authors point to the symbolic meaning of the emergence of a new capital, which predetermined the continental-marine fate of the Russian civilization, combining both the protective principle and the principle of progressive modernization. In this regard, the authors point to the specific feature of the Russian revolutionary, which implies socio-cultural renewal through regular return to the primordial principles of civilizational construction. An integral element of modernization, the authors see the development of scientific and philosophical knowledge in Russia, which, on the one hand, seeks to ensure that the updating of the technological capacity of the corresponding estestvennostical bases of the Russian civilization, and with another — to express our values and the activities of Teleostei the contents of national identity. Reconstructing the vector of development of Russian scholarship, the authors distinguish the studies of M. V. Lomonosov and V. V. Dokuchaev, on the example of which show how the comprehensive restoration of the integrity of the universe took a priority place in the scientific and philosophical experience of Russia. In the end, the authors put forward the hypothesis that the Russian Eurasians, N. S. Trubetskoy in his “Personology”, P. N. Savitsky, in his “Russian Studies”, purposefully reproduced the principle of spatial and temporal involvement of elements adopted by Lomonosov. This principle can be put on the basis of methodological synthesis, which cultivates not the physics of abstract quantities and not the chemistry of refined substances, but the nature of its integrity and obvious representation. And at the base of the updated system of knowledge can be located not chemistry or physics, botany or zoology, but-soil science, forestry, crop production, subsoil use, etc.

Keywords: geosophy, civilizational development, Russian science, M. V. Lomonosov, V. V. Dokuchaev.

References

1. Kliuchevskii, V. O. (1989), “Kurs russkoi istorii” [The course of Russian history], pt, IV in Kliuchevskii, V. O. *Sochineniya* [Works], in 9 vols., vol. 4, Mysl, Moscow, Russia.
2. Solov'ev, S. M. (1896), *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since ancient times], book 4, vol. 18, St. Petersburg, Russia.
3. Pnin, I. P. (1993), “Opyt o prosveshchenii otnositel'no Rossii” [Experience in education about Russia] in *Russkaia filosofia sobstvennosti* [Russian philosophy of property], Ganza Publ., St. Petersburg, Russian, pp. 53–61.
4. Vernanadskii, V. I. (1988), “O znachenii trudov M. V. Lomonosova v mineralogii i geologii” [On the importance of M. V. Lomonosov's works in Mineralogy and Geology], in Vernanadskii, V. I. *Trudy po istorii nauki v Rossii* [Works about history of science in Russia], Nauka, Moscow, Russia, pp. 13–45.
5. Vernanadskii, V. I. (1988), “Pamiati M. V. Lomonosova” [In Memory of M. V. Lomonosov], in Vernanadskii, V. I. *Trudy po istorii nauki v Rossii* [Works about history of science in Russia], Nauka, Moscow, Russia, pp. 55–58.
6. Vernanadskii, V. I. (1988), “Neskol'ko slov o rabotakh M. V. Lomonosova po geologii” [A few words about the works of M. V. Lomonosov on Geology], in Vernanadskii, V. I. *Trudy po istorii nauki v Rossii* [Works about history of science in Russia], Nauka, Moscow, Russia, pp. 45–49.

7. Ptukha, M. V. (1946), "M. V. Lomonosov kak ekonomist i statistik" [M. V. Lomonosov as economist and statistician], in *Lomonosov. Sbornik statei i materialov* [Lomonosov. Collection of articles and materials], ed. by A. I. Andreev, L. B. Modzalevskii, Izd-vo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 144–219.
8. Lomonosov, M. V. (2011), "O sokhraneni i razmnozhenii rossiiskogo naroda" [About preservation and reproduction of the Russian people], in *Sbornik: Lomonosov M. V. O sokhraneni russkogo naroda* [Collection. On the preservation of the Russian people], Institut russkoi tsivilizatsii Publ., Moscow, Russia, pp. 13–35.
9. Sokolov, A. M. (2014), "Aksiologicheskie orientiry globalizatsii i predely ekspansii" [Axiological reference points of globalization and the limits of expansion], *Vestnik SPbGU*, ser. 6: Political science. International relations, no. 4, pp. 62–69.
10. Sokolov, A. M. (2011), "Aksiomy sotsial'nogo opyta: ideokratiia, ili monologizm vlasti v Rossii" [Axioms of social experience: ideocracy or monologue of power in Russia], *Filosofia prava*, no. 6 (55), pp. 99–102.
11. Dokuchaev, V. V. (1899), *K ucheniiu o zonakh prirody. Gorizontaľnye i vertikaľnye pochvennye zony* [The teaching about the zones of nature. Horizontal and vertical soil zones], Tip. SPb. gradonachal'stva, St. Peterburg, Russia.
12. Dokuchaev, V. V. (1948), *Izbrannye sochineniia v 3 t. T. 1. Russkii chernozem* [Selected works in 3 vol. Vol. 1. Russian Chernozem], Sel'khozgiz Pub., Moscow, USSR.
13. Kul'pin-Gabaidullin, E. S. (2010), "Vasilii Dokuchaev kak predtecha biosferno-kosmicheskogo istorizma: sud'ba uchenogo i sud'by Rossii" [Vasily Dokuchaev as the forerunner of the biosphere-the space of historicism: the fate of the scientist and the fate of Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, no. 2, pp. 103–113.

Received: April 13, 2018

Accepted: October 3, 2018

Author's information:

Aleksei M. Sokolov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; docentsokolov@yandex.ru

Nikita V. Kuznetsov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; nikita2554@mail.ru